

Глава пятая: Лже-Чжан Цянь без причины получает нагоняй, Глупый Шунь-эр пытается раскрыть тайну

—

Линь Лан кричал «Стой, не беги!» и гнался за Тан Юйшу целую четверть часа, пока они наконец не остановились перед тупиком.

Линь Лан, не обращая внимания на свой обычный аристократический вид, рухнул на землю, прислонился к стене, задыхаясь и закатывая глаза.

У маленького попрошайки не было пути к отступлению. Он спрятался за грудой дров в самом конце переулочка, с суровым лицом холодно глядя на приближающегося Тан Юйшу, не говоря ни слова.

— Отдай кошелек!

Попрошайка не повиновался, его рука, сжимающая кошелек, слегка дрожала от напряжения.

Тан Юйшу обхватил правый кулак левой рукой, его костяшки хрустнули, и он попытался припугнуть подростка, чтобы тот сдался:

— Я так и знал, что что-то не так — ты даже не доел ту лапшу!

Но маленький попрошайка ничуть не испугался.

Когда Тан Юйшу подошёл на расстояние менее двух чжанов, попрошайка внезапно вскочил, вытащил из дровяной кучи косу и держал её перед собой:

— Не подходи! Я умею драться, осторожнее, чтобы не пораниться!

Этот внезапный жест и слова, конечно, не испугали Тан Юйшу, который бывал в битвах, но Линь Лана пробрало до костей.

Хоть коса и была ржавой и тупой, он понимал, что будет, если ею ударить по голове.

После сильной погони Линь Лан ещё не восстановил силы, его горло болело от чрезмерного дыхания, но он всё же с трудом поднялся, опираясь на стену, и крикнул:

— Не надо, не надо! — Не глупи! За кражу тебя максимум посадят, а за убийство казнят!

Этот анализ последствий не подействовал на маленького попрошайку.

Ребёнок, который был на полголовы ниже Тан Юйшу, не выражал страха в глазах. Наоборот, спиной к тупику, он медленно двинулся навстречу Тан Юйшу, его поза напоминала осторожного волка, вымеряющего добычу перед кровавой охотой.

Линь Лан, выросший за высокими стенами большого поместья, никогда не видел такой сцены. От страха его ноги подкосились. Забыв о гневе из-за украденного серебра, он инстинктивно повернулся, чтобы сбежать. Он сделал полшага, споткнулся и повернулся обратно, протягивая руку, чтобы потянуть Тан Юйшу за руку и бежать вместе.

Но промахнулся.

Тан Юйшу стремительно бросился вперёд, и, оказавшись на расстоянии вытянутой руки от попрошайки, резко ушёл в сторону, одновременно пытаясь невероятно быстро обездвижить руку, сжимающую косу. Но попрошайка тоже оказался ловок, он легко увернулся, в мгновение переложил косу в другую руку, взял её за лезвие и силой ударил деревянной рукояткой по правому плечу Тан Юйшу.

Линь Лан, не ожидавший такой серии приёмов, был в полубморочном состоянии. Сцена, о которой он слышал только от рассказчиков, разыгрывалась прямо перед ним.

Линь Лан не знал, стоять ли ему на месте или бежать, и метался от беспокойства.

В отчаянии он увидел, как Тан Юйшу схватил деревянную рукоятку, которой ударил попрошайку. Ноги Тан Юйшу словно поскользнулись, и всё его тело начало падать назад. Когда Линь Лан уже готов был крикнуть, он увидел, как Тан Юйшу взмахнул ногой и сильно ударил попрошайку по голени.

Этот удар заставил попрошайку потерять равновесие и упасть на землю. Его рука, сжимавшая косу, ослабла, и Тан Юйшу быстро выхватил её.

Затем Тан Юйшу пружинисто вскочил, приставил косу в трёх дюймах от лица попрошайки:

— Отдай кошелёк!

Линь Лан чуть не захопал, подбадривая Тан Юйшу.

Приняв кошелёк, брошенный Тан Юйшу, Линь Лан наконец выдохнул.

Увидев, что попрошайка обездвижен, Линь Лан быстро спрятал своё недавнее малодушие, поправил воротник и уверенно подошёл, набравшись храбрости:

— Ты молод, у тебя есть руки и ноги, и ты такой ловкий, почему ты ворует?

Несмотря на поражение, попрошайка всё ещё выглядел сурово и коротко ответил:

— Нужны деньги.

— Кому они не нужны? — Линь Лан аккуратно сунул кошелёк за пазуху. — Вставай! — Пойдёшь со мной в суд!

— Не пойду! — Попрошайка лежал на земле, не двигаясь.

— Эй! Ты, парень! — Линь Лан разозлился и протянул руку, чтобы схватить его за плечо, но Тан Юйшу его остановил.

Тан Юйшу отбросил косу обратно в дрова, присел и посмотрел попрошайке в глаза:

— Ты не использовал лезвие против меня, а целился деревянной рукояткой в мою берцовую кость. Почему?

Линь Лан недоумевал, зачем Тан Юйшу разговаривать с вором, и собирался возмутиться, но увидел, что попрошайка отвернулся:

— Нужны деньги, а не смерть.

— На что тебе сто лян серебра?

— Сто лян?! — Ты что, шутишь? Кошелёк весит не больше двух лянов, в нём, наверное, и одного ляна серебра не наберётся.

— Что ты несёшь? — Линь Лан спросил: — Ты разве не видел серебряные банкноты?

— Я!.. — В спешке первое слово вырвалось уверенно, но остальная фраза прозвучала слабо, так как ему было стыдно говорить: — ...Я их не видел.

Тан Юйшу не понял:

— Если ты думал, что там всего один лян серебра... почему ты так отчаянно дрался?

— Не хватает одного ляна... — сердито сказал попрошайка, — чтобы похоронить мою мать.

Тан Юйшу, узнав причину, замер и посмотрел на Линь Лана. Линь Лан выглядел менее злым, чем раньше, но всё равно нахмурился и сказал:

— ...Какова бы ни была причина, скажешь это в суде!

Видя, что Линь Лан так непреклонен, попрошайка перестал упрямяться, встал на колени и поклонился. Хоть он и умолял, его тон был по-прежнему холоден:

— Деньги я вернул. Умоляю, не ведите меня к чиновнику. Моя мать умерла три дня назад, и её тело ждёт в разрушенном храме в деревне. Если не похоронить...

Линь Лан долго не мог ничего сказать.

После долгой паузы Линь Лан снова вытащил кошелёк, достал один лян серебра и бросил его на землю.

Хоть ему и было тяжело на душе, из-за своего характера он не мог смягчить выражение лица, даже оказывая милость. Он лишь косо посмотрел на попрошайку, высоко подняв подбородок:

— Считаю, я тебя прощаю... Возьми эти деньги.

Получив неожиданную милость, попрошайка задрожал от волнения и очень торжественно поклонился дважды:

— Я из посёлка Яньтан, в тринадцать ли отсюда, моя фамилия Чэнь, имя Ни. Каждое слово правда, оба господина могут проверить... Но мой поступок сегодня был вынужденным. Прошу вас, господа, сохранить мою честь и не рассказывать соседям. Когда я вернусь в деревню и похороню свою мать, я обязательно верну долг!

Сказав это, он подобрал один лян серебра и быстро убежал.

Это шокирующее происшествие на некоторое время выбило из колеи избалованного молодого господина. Линь Лан долго смотрел на удаляющуюся фигуру попрошайки, не в силах прийти в себя.

Тан Юйшу, напротив, облегчённо вздохнул, словно разрешил небольшую проблему, и, отряхивая пыль с рук, с улыбкой сказал Линь Лану:

— А ты, оказывается, не такой уж и зубастый, как казалось!

— Зубастый? — Линь Лан повернулся и тут же сменил выражение лица на то, что обычно выражал при встрече с Тан Юйшу. — Что это значит?

Тан Юйшу долго подбирал подходящее официальное слово:

— ...Едкий.

— Я таким и не был, — фыркнул Линь Лан.

— Ладно, ладно, не был, не был... — Тан Юйшу горько улыбнулся, успокаивая его, и добавил: — В будущем не носи с собой столько серебра. Если потеряешь в следующий раз, я не смогу...

— Не нужно! — Линь Лан перебил Тан Юйшу. Он и так с трудом мог выдать из себя «спасибо», а теперь, решив, что Тан Юйшу жалуется, Линь Лан холодно ответил: — Если я потеряю в следующий раз, сам виноват, тебе не нужно трудиться, чтобы мне помогать!

Слова «... обязательно оказаться рядом с тобой» застряли у Тан Юйшу в животе из-за внезапной вспышки Линь Лана. Тан Юйшу почесал бровь, решив, что нет необходимости оправдывать свои истинные намерения.

Но Линь Лан, чем больше думал, тем больше злился. Серебро украли у него, а потом его же наставляют и упрекают. Он достал из кошелька несколько кусочков разбитого серебра и небрежно бросил их к ногам Тан Юйшу:

— Это плата за твою работу по возвращению серебра. Не говори лишнего, бери и уходи. — Украли у меня, и не тебе меня учить. К тому же, воровство есть воровство! Один вэн или дом — нет никакой разницы.

Тан Юйшу надеялся, что после этого инцидента враждебность Линь Лана к нему ослабнет. Но, услышав в его словах острый сарказм, улыбка постепенно исчезла с лица Тан Юйшу.

Его лицо покраснело, и он с трудом выдал тихий ответ:

— ...Я не воровал.

— За подделку официальных документов, даже если ты не воровал, в тюрьме тоже казнят.

— ...Я не подделывал.

— Посмотрим, через два месяца всё прояснится.

— Ладно.

— Что 'ладно'?

— ... — Тан Юйшу ничего не объяснил, сжал больную руку и, не обращая внимания на серебро под ногами, молча ушёл.

Стоя на месте и глядя на удаляющуюся фигуру своего врага, Линь Лан внезапно присмотрелся и увидел: на большом пальце правой руки Тан Юйшу обильно текла ярко-красная кровь из раны.

«...»

Линь Лан осознал, что он вышел далеко за рамки допустимого, и неловкое чувство начало расплзаться по его сердцу.

— ...Это он сам захотел лезть не в своё дело! — прошептал Линь Лан.

Принудительно обвинив во всём другого, он снова почувствовал себя немного лучше.

Когда фигура скрылась за углом, Линь Лан прислонился к стене и вздохнул. Вокруг никого не было, но он всё равно отвернул голову к стене, словно боясь, что кто-то увидит его покрасневшие глаза.

—

— Этот ребёнок избалован...

В особняке семьи Линь в Цзиньлине господин Линь, нахмутив брови в виде иероглифа «冫», тяжело вздыхал, сидя на стуле и жалуясь своему молодому шурина:

— Кажется, он целыми днями бездельничает и не имеет амбиций, но на самом деле, я знаю, его помыслы глубоки...

— Молодому человеку иметь свои идеи — это хорошо... — улыбаясь, шурина вяло утешал его.

— Что хорошего? Это нехорошо! Чжан Цянь! Это ты — ты сам нехорош! Тебе мало, что ты сам любишь бегать на запад, так ты ещё увёл Линь Лана на какой-то 'Шелковый путь', чтобы он увидел мир! Ты тёзка, но ты не настоящий Чжан Цянь*! Посмотри — лучше бы он не видел этого мира. Как только увидел, его сердце улетело. Этот твой племянник ни за что не хочет прилежно учиться и получать чин, а хочет, как ты и я, заниматься торговлей!

[*В оригинале используется игра слов: имя шурина — Чжан Цянь (冫冫), которое звучит как имя великого путешественника и дипломата династии Хань — Чжан Цянь (冫冫), проложившего Шелковый путь.]

— Моя вина, моя вина... — шурина по имени Чжан Цянь продолжал улыбаться.

— Нельзя винить только тебя, в конце концов, виноват я. В ранние годы я был занят торговлей, постоянно ездил на юг и север, недосмотрел за ним, и этот вонючий мальчишка связался с вами, чудаковатыми людьми! — господин Линь ругался, и его взгляд скользнул по Шунь-эру, стоящему у двери.

— Эх... я виноват. До смерти твоей сестры позапрошлом году — за целых шестнадцать лет я видел Линь Лана всего пять раз. После того, как сестра ушла, я вернулся в Цзиньлин, живу в поместье и никуда не уезжаю, желая хорошо заботиться о нём, пока он не вырастет и не создаст семью. Но о страданиях и лишениях, которые пережил этот ребёнок за эти годы, я, его отец, никогда не слышал... Неудивительно, что у него развился такой замкнутый характер.

Услышав это, Шунь-эр, который только что был причислен к «чудаковатым людям», не удержался и разрыдался. Он не смог удержать даже чашку с чаем, с грохотом поставил её на стол, снял пояс, бросил его на балку и стал изображать, что собирается повеситься:

— Молодой господин пропал, и Шунь-эру незачем жить! — Холодная осень, тусклый месяц,

засохшие хризантемы, всё это унеслось на восток по холодной реке... Ох!

Ни господин Линь, ни Чжан Цянь давно не удивлялись этому напыщенному слуге.

Чжан Цяню как раз нужен был повод, чтобы отвлечься от нравоучений зятя. Увидев, как внезапно начал Шунь-эр, он, вставая, сказал:

— Я уже послал людей на поиски, скоро будут новости о Линь Лане. Я отведу Шунь-эра... — Он обнял Шунь-эра за плечо. — Пойдём, поплачем снаружи...

Отведя Шунь-эра в спальню, где раньше жил Линь Лан, Чжан Цянь вздохнул:

— Ух! Твой господин очень ворчлив...

— Ещё бы! — Шунь-эр закатил глаза. — Дядя, скажи, — молодой господин сейчас где-то там, он не голодает? Он не умрёт от голода? Не замёрзнет? Ты сказал, что молодой господин красив и бел, а что, если его продадут работорговцы в качестве маленького актёра? Если в актёры, у молодого господина есть талант, раньше я учил его песням, он схватывал на лету. Но не дай бог — что, если молодого господина уведут на цветочные улицы и в ивовые переулки (бордель) в качестве куртизанки? У молодого господина гордый дух, он точно примет яд. И ещё — у молодого господина плохой характер, что, если его не выдержат и избыют? Что, если избыют до смерти...

— Замолчи! — Чжан Цянь почувствовал, что голова невероятно отяжелела, и вовремя остановил импровизацию Шунь-эра. — Не смотри, что твой молодой господин кажется наивным. Он ходил со мной по Шелковому пути и видел мир. Его навыки и знания выше, чем у его сверстников. Можешь не волноваться!

Сидевший на клетке попугай с рисунком зверя поддакивал:

— Я ходил по Шелковому пути!

— Даже попугай запомнил, похоже, твой молодой господин часто хвастался! — Чжан Цянь не смог сдержать смех, а затем задумчиво вздохнул: — На самом деле, то, что Линь Лан выбрал этот путь, — это хорошо...

— Что? — Шунь-эр был ошеломлён.

Чжан Цянь объяснил:

— Жизнь в роскоши, конечно, беззаботна, но если прожить её так бездумно, то она просто пройдёт. Теперь у него есть свой план, и он готов его осуществить. Хоть жизнь, возможно, будет трудной и утомительной, но, по крайней мере, он по-настоящему живёт... Как ты думаешь?

Шунь-эр покачал головой. Румяна, которые он нанёс сегодня, кажется, были смешаны с золотой пудрой, что резало глаза Чжан Цяню:

— Я не понимаю этих вещей... Я просто боюсь, что молодой господин несчастлив...

Чжан Цянь встал, чтобы подразнить попугая:

— Не будет... У него большой капитал, тебе не нужно об этом беспокоиться, просто жди хороших новостей...

— Угу... тогда хорошо, — Шунь-эр недоумённо кивнул, но знакомое странное чувство снова возникло в нём. Это чувство было сродни тому, что он испытал в ночь, когда молодой господин сбежал из поместья. Шунь-эр смутно почувствовал, что что-то не так... Но на этот раз его голова соображала немного быстрее.

Шунь-эр быстро подошёл, потянул Чжан Цяня за рукав:

— Дядя... ты что-то знаешь о пропаже молодого господина?

— ...Это... — Чжан Цянь неловко улыбнулся.

—

<http://bllate.org/book/12583/1118361>